

Потребительские расходы населения в зеркале агрегированных трансфертных счетов: национальные и региональные аспекты

Анжела Георгиевна Назарова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Статья продолжает цикл авторских публикаций в журнале «Вопросы статистики» в 2019–2022 гг. по тематике использования национальных трансфертных счетов (НТС), как инструмента экономико-демографического анализа широкого круга макрохарактеристик на уровне экономики страны и ее регионов. Автором аргументируется значение разработки НТС, позволяющей более детально по сравнению с системой национальных счетов (СНС) анализировать процессы перераспределения финансовых ресурсов, в том числе под дополнительным углом зрения – с отражением групп иждивенцев и того, кто их финансирует. Дано краткое описание ключевой идеи текущего исследования и используемого методологического подхода к анализу.

В основном разделе статьи прокомментированы результаты авторских расчетов анализируемых показателей на национальном и региональном уровнях, подтверждающих гипотезу о том, что влияние возрастной структуры общества на потребительские расходы населения проявляется в приоритетах потребительского спроса. С макроуровня – на сравнительном примере России, Швеции и Мексики показаны общие и особенные черты в финансировании потребительского спроса ресурсами частного и общественного секторов и их связь с длительностью бездефицитной стадии экономического жизненного цикла в этих странах. Для сравнения с российской экономикой были выбраны страны с наиболее (Швеция) и наименее (Мексика) щедрым государственным субсидированием потребления населения в форме текущей трансфертной поддержки. В региональном аспекте анализа – структурные характеристики возрастного профиля регионов (с 2011 по 2020 г.) сопоставлялись с накопленной (на душу населения) динамикой региональных потребительских расходов, имеющих ярко выраженный возрастной уклон (на образование и здравоохранение). Региональные итоги анализировались в контексте ситуации по экономике в целом. Качественные различия в приоритетах потребительского спроса «молодых» и «возрастных» регионов проиллюстрированы в статье сравнительной инфографией на примере Республики Ингушетия и Тверской области (регионы с диаметрально противоположными особенностями демографической структуры).

Рассмотрены модели потребительского поведения по возрастам в увязке с теорией поколенческих типов (теорией поколений) У. Штрауса и Н. Хоу. Показано на уровне экономики в целом, как отразилась пандемия COVID-19 на источниках финансирования потребительских расходов домохозяйств.

В заключении акцентировано внимание на исследованных особенностях методологического характера, выявленных при сравнении национальных трансфертных счетов с такими сводными показателями как индекс человеческого развития и цели устойчивого развития ООН, которые необходимо учитывать в макроэкономическом и региональном анализе.

Ключевые слова: система национальных трансфертных счетов (НТС), система национальных счетов (СНС), финансирование дефицита экономического жизненного цикла, трудовой доход, потребительские расходы населения, возрастные когорты, текущие трансферты государства.

JEL: E16, E21, J11, O11.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-6-35-50>.

Для цитирования: Назарова А.Г. Потребительские расходы населения в зеркале агрегированных трансфертных счетов: национальные и региональные аспекты. Вопросы статистики. 2023;30(6):35–50.

Consumer Spending in the Mirror of Aggregate Transfer Accounts: National and Regional Aspects

Anzhela G. Nazarova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

Building upon a series of the author's prior publications in the journal Voprosy Statistiki (in 2019–2022), this new article further develops the idea of applying National Transfer Accounts (NTAs) as a toolkit for economic and demographic analysis of a wide range of macro patterns in the economy, both nationally and on the regional level. The author highlights the NTAs' practical utility, allowing for a more detailed, compared to the System of National Accounts (SNA), analysis of the reallocation of financial resources, including through the prism of dependents and those who finance them. It includes a concise description of the current research concept and the methodology approach chosen for the analysis.

Based on the author's calculations of the analyzed indicators at the national and regional levels, the body of the article confirms that the influence of the age structure of society on consumer spending of the population manifests itself in the priorities of consumer demand. On the macro level, the comparative example of Russia, Sweden and Mexico shows commonalities and specificities in the financing of consumer demand by resources of the private and public sectors and the corresponding timespans of running deficit-free economic lifecycle in these countries. As a comparative framework for the Russian economy, the countries with the most (Sweden) and least (Mexico) generous state subsidies for the consumption of the population in the form of current transfer support were selected. In the regional aspect of the analysis, the structural characteristics of the age profile of the regions (from 2011 to 2020) were compared with the accumulated (per capita) dynamics of regional consumer spending with a pronounced age bias (on education and healthcare). The regional results were analyzed in the context of the overall economic situation. The article illustrates the qualitatively different consumer demand priorities of the «young» and «advanced-in-years» regions by the comparative infographics case studying the Republic of Ingushetia and Tver Region (regions with diametrically opposite features of the demographic structure).

The author has dealt with consumer behavior models across various ages in the context of the Strauss-Howe generational theory, devised by William Strauss and Neil Howe. The author demonstrates how the COVID-19 pandemic impacted the sources of financing household spending on the level of the economy as a whole.

The concluding section draws methodological parallels between national transfer accounts and such summary indicators as human development indices and the UN Sustainable Development Goals to be considered in macroeconomic and regional analysis.

Keywords: System of National Transfer Accounts (NTA), System of National Accounts (SNA), financing of the economic life cycle deficit, labor income, consumer spending of the population, age cohorts, current government transfers.

JEL: E16, E21, J11, O11.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-6-35-50>.

For citation: Nazarova A.G. Consumer Spending in the Mirror of Aggregate Transfer Accounts: National and Regional Aspects. *Voprosy Statistiki*. 2023;30(6):35–50. (In Russ.)

Введение

С начала 2000-х годов национальные трансфертные счета (НТС) стали востребованным инструментом анализа ресурсных потоков между поколениями разных возрастных когорт. Рассматривая спрос на ресурсы и их предложение сквозь призму иждивенцев и того, кто их финансирует, они добавляют еще один взгляд на то, как мы видим экономические потоки, и позволяют под дополнительным углом зрения посмотреть на экономическую и демографическую статистику. О масштабах работ по этому направлению в мире говорит тот факт, что 98 из 193 стран, входящих в ООН на начало 2023 г., строят трансфертные счета на регулярной основе¹, а в 186 странах мира – методологические подходы НТС к экономико-демографическому анализу опробованы и используются в той или иной степени [1, с. 51].

Анализ ресурсных потоков в формате НТС, учитывающий особенности национальной (либо региональной) демографической структуры, позволяет понять, какие возрастные когорты явля-

ются донорами, а какие – получателями ресурсов, и глубже проанализировать социальные процессы с точки зрения распределения экономической нагрузки в обществе. Описывая экономическую среду с ракурса демографических изменений, мониторинг показателей НТС также помогает отслеживать изменения качества жизни населения. Методология построения агрегированных трансфертных счетов может быть реализована в полной мере на национальном уровне агрегирования данных и частично – на региональном.

В 2022 г. под эгидой Института демографии имени А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ международное Руководство ООН по построению НТС «Измерение и анализ экономики поколений» (2013 г.)² было переведено на русский язык³. Русскоязычная версия Руководства представлена на сайте ООН наряду с англо- и испаноязычными переводами. Первые результаты построения счетов для России и аналитика данных с позиций национальных трансфертных счетов были опубликованы в журналах «Демографическое обозрение» [2] и «Вопросы статистики» [3].

¹ National Transfer Accounts Project. URL: <https://www.ntaccounts.org/web/nta/show/NTA%20Countries>.

² United Nations. «Measuring and Analysing the Generational Economy» (2013 г.). URL: <https://ntaccounts.org/doc/repository/NTA%20manual%202013.pdf>.

³ Руководство по национальным трансфертным счетам: измерение и анализ показателей экономики поколений. Организация Объединенных Наций. Отдел народонаселения. Нью-Йорк. 2022. С. 1–266. In Russ. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2022_nta-manual_russian.pdf.

Возрастная структура общества — один из ключевых факторов, определяющих состояние ресурсной базы экономики и объемы перераспределяемых в ней ресурсов. Эффективность функционирования экономики поколений определяется тем, насколько успешно трудоспособное население генерирует ресурсы для финансирования экономически зависимых возрастных групп (младшей и старшей). Возрастной фактор можно назвать «критическим» для выполнения сектором «Государственное управление»⁴ (далее — сектор ГУ) взятых на себя трансфертных обязательств [4, с. 1].

Влияние возрастной структуры общества на потребительские расходы экономики (или региона) проявляется в приоритетах потребительского спроса. В статье изложены возможные подходы к использованию НТС, как инструмента экономико-демографического анализа потребительского спроса применительно к экономике и регионам. Продемонстрированы различия между регионами в приоритетности направлений потребительских расходов, имеющих явный возрастной уклон, в связке с их демографической структурой. Аналитические выводы на примере регионов — представителей подтверждены расчетами и проиллюстрированы инфографикой.

Национальный аспект макроанализа

Основная идея трансфертных счетов — оценка балансового⁵ результата экономического жизненного цикла, определяемого как соотношение объемов индивидуального потребления и трудового дохода в агрегированном для экономики виде и в каждом из возрастов.

Возрасты старше и младше трудоспособного — это период экономической зависимости, когда люди испытывают разрыв между уровнем потребления и уровнем трудовых доходов. Объективно дефицит экономического жизненного цикла всегда наблюдается в младшей и старшей возрастных когортах. Он покрывается в экономике за счет

передач недостающих ресурсов между разными поколениями. Поколения в трудоспособном возрасте, находящиеся в профицитной стадии экономического жизненного цикла, «финансируют» соседние возрастные группы, чей результат экономического жизненного цикла дефицитен, «восстанавливая» их ресурсный баланс [5, с. 116]. НТС дают возможность в систематической форме изучать потребительский спрос населения, его трудовые доходы и систему трансфертной поддержки разных возрастных групп.

Результат экономического жизненного цикла (в расчете на душу населения) формируется на трех уровнях агрегирования данных: для экономики в целом, в погодном разрезе и по укрупненным возрастным когортам (0–15 лет, 16–64 года и возраст 65+). Для целей макроанализа целесообразно пересчитать показатели в процентах к трудовому доходу или к ВВП. При наличии соответствующей информации трансфертные счета также можно строить в гендерном разрезе.

Возрастные границы перехода между стадиями жизненного цикла и длительность нахождения людей в профицитной (-) и дефицитной (+) областях определяются для каждой страны/региона своим собственным набором условий на рынке труда [6, с. 209]. Учет региональных особенностей крайне важен, так как в зависимости от региона возрастные границы профицитной и дефицитной областей могут диаметрально отличаться.

Сравнительный анализ продолжительности бездефицитной стадии жизненного цикла, возраста вступления и выхода из нее в странах разных регионов мира представлен в работе «Экономика поколений и национальные трансфертные счета» [7], авторами которой являются директор по исследованиям Национального центра научных исследований Франции (CNRS), экономист И. Д'Альбис и экономист Всемирного Банка Д. Муса (см. таблицу 1). Таблица объединяет страны, присоединившиеся в период с 2003 по 2013 г. к участию в международном исследовательском проекте «National Transfer Accounts».

⁴ Сектор «Государственное управление» — один из пяти институциональных секторов СНС, объединяющий институциональные единицы, которые в качестве основного вида деятельности выполняют функции органов государственного управления. В него входят бюджетные организации: министерства, службы, агентства, школы, больницы и т. п., а также государственные внебюджетные фонды, но исключаются государственные предприятия, осуществляющие рыночную деятельность как финансового, так и нефинансового характера, которые методологически относятся к институциональным секторам «Нефинансовые корпорации» и «Финансовые корпорации» (Росстат, статистический сборник «Национальные счета России в 2015 – 2022 гг.», раздел 2.3 «Счета институциональных секторов». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac_sch_2015-2022.pdf).

⁵ Профицит (-), дефицит (+).

Таблица 1
**Профицитный период экономического жизненного цикла:
 возраст вступления и выхода из него
 (лет)**

Страна / Регион мира	Вступление	Выход	Период
Европа и Северная Америка			
Австрия	23	59	36
Канада	29	60	31
Финляндия	26	60	34
Швеция	26	63	37
Франция	25	57	32
Германия	27	58	31
Италия	27	59	32
Испания	26	59	33
Венгрия	25	59	34
Словения	25	56	31
Великобритания	25	58	33
США	26	60	34
Латинская Америка и Карибский бассейн			
Аргентина	23	61	38
Бразилия	32	53	21
Чили	26	54	28
Колумбия	22	62	40
Коста-Рика	27	55	28
Ямайка	23	57	34
Мексика	33	49	16
Перу	27	57	30
Уругвай	29	59	30
Океания			
Австралия	24	59	35
Азия			
Камбоджа	22	47	25
Китай	23	60	37
Индия	26	60	34
Индонезия	29	59	30
Япония	26	60	34
Филиппины	27	60	33
Южная Корея	24	56	32
Тайвань	24	55	31
Таиланд	26	58	32
Турция	29	64	35
Вьетнам	23	54	31
Африка			
Эфиопия	29	59	30
Гана	35	63	28
Кения	25	57	32
Мозамбик	27	60	33
Нигерия	29	61	32
Сенегал	25	67	42
ЮАР	30	60	30
Справочно:			
Россия	23	56	34

Источник: по данным [7, с. 435], [2, с. 19].

В региональные группы собраны вместе страны с развитой экономикой (Advanced Economies) и страны с формирующимся рынком и развива-

ющейся экономикой (Emerging Market and Developing Economies). Набор регионов, выделенных в таблице, переключается с региональным распределением стран в статистическом приложении обзоров развития мировой экономики «World Economic Outlook»⁶.

В среднем по миру профицитная стадия экономического жизненного цикла длится около 30 лет. Одна из стран с самым длительным временным периодом ресурсного профицита – Швеция, где население сохраняет ресурсный «излишек» в среднем в течение 37 лет (с 26 до 63), что составляет почти 40% от ожидаемой продолжительности жизни в стране при рождении. На другом «временном полюсе» находится Мексика, где бездефицитная стадия экономического жизненного цикла длится около 16 лет и население возвращается в область ресурсного дефицита, не достигнув даже 50 лет. В России, как показали первые экспериментальные расчеты, выполненные Институтом демографии имени А.Г. Вишневского НИУ ВШЭ [2, с. 19], люди вступают в бездефицитную стадию в среднем в 23 года и находятся в ней около 34 лет (до 56), что составляет порядка 50% от ожидаемой продолжительности жизни в стране при рождении.

Расчетная длительность бездефицитного периода – это один из факторов, объясняющих уровень трансфертной поддержки потребительских расходов населения экономически зависимых возрастных групп. Соотнесение информации о его продолжительности (НТС) с данными статистики национальных счетов (СНС) об уровне трансфертной поддержки потребления населения показывает, что длительность бездефицитной стадии жизненного цикла по сути оказывает прямое влияние на ресурсную базу сектора ГУ и величину финансирования сектором потребляемых товаров и услуг индивидуального характера.

Сравним структуру финансирования потребительского спроса в России (в контексте агрегированных НТС) с аналогичными индикаторами для Швеции и Мексики, где, как отмечалось выше, особенности стадий жизненного цикла выражены наиболее ярко. Сравнение страновых профилей финансирования потребительского спроса представлено в таблице 2. Данные приведены в среднем за период, так как структурные веса источников финансирования у сравниваемых стран достаточно устойчивы.

⁶ URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>.

Таблица 2
Финансирование индивидуального потребления
по секторам НТС в 2011–2020 годах
 (в среднем за период, в процентах к итогу)

	Швеция ¹	Мексика ²	Россия ³
Индивидуальное потребление населения – всего (финансируемое ресурсами ДХ, НКООДХ и ГУ)	100	100	100
в том числе финансирование: частным сектором (ресурсы ДХ и некоммерческих организаций, обслуживающих ДХ)	71,0	91,7	69,1
общественным сектором (социальные трансферты в натуральной форме сектора ГУ)	29,0	8,3	30,9
в том числе: образование	9,3	4,9	4,9
здравоохранение	10,0	1,4	4,7
Справочно: Профицитная стадия жизненного цикла ⁴ , лет	37	16	34

Примечание. ДХ – домашние хозяйства; НКООДХ – некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства; ГУ – государственное управление.

Источник:

¹ Nordic Statistics Database. Chapter «Economy. National accounts, supply and demand». URL: https://pxweb.nordic-statistics.org/pxweb/en/Nordic%20Statistics/Nordic%20Statistics__Economy__National%20accounts/NAAC01.px/table/tableViewLayout1/.

² National Accounts Statistics: main aggregates and detailed tables. Part III, Chapter II «Country tables», P. 834, 842, 844, 846. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210051965/read>.

³ Расчеты автора по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>.

⁴ По данным [7, с. 435] и [2, с. 19].

Индивидуальное потребление населения охватывает все формы потребления в экономике (на платной и бесплатной/льготной основе), финансируемые соответственно ресурсами частного сектора⁷ (домашних хозяйств и НКООДХ) и ресурсами общественного сектора (ГУ).

По результатам анализа можно сделать следующие выводы.

– Расходы на конечное потребление во всех странах финансируются преимущественно ресурсами частного сектора, при этом у Швеции и России пропорции финансирования очень похожи. В Швеции уровень покрытия составил в сред-

нем 71,0%, в России – 69,1, в Мексике – 91,7%. Особенность Мексики состоит в том, что долю частного сектора там «тянут» вверх значимый вес доходов от самозанятости⁸ и положительное сальдо прочих текущих трансфертов во взаимоотношениях с остальным миром (в среднем около 8% величины оплаты труда наемных работников, что говорит об активной трудовой миграции трудоспособного населения).

Как показывают международные исследования, имеет место следующая зависимость: чем ниже в стране уровень трансфертной поддержки населения со стороны сектора ГУ, тем активнее недостаток внутренних ресурсов компенсируется переводами денежных средств из-за рубежа в форме личных текущих трансфертов. И тем больше положительное трансфертное сальдо частного сектора экономики. Методологически трансфертное сальдо прочих текущих трансфертов во взаимоотношениях с остальным миром – это в основном чистые трансграничные переводы физических лиц по категории «личные текущие трансферты». Источниками данных о них служат платежные балансы и статистика национальных платежных систем. По смыслу – это денежные переводы мигрантов (в терминах НТС – трансферты внутри ДХ).

– Максимальная в ЕС продолжительность бездефицитной стадии жизненного цикла (37 лет) позволила Швеции стать страной Евросоюза с наиболее «щедрыми» государственными трансфертами (ими обеспечивается почти 1/3 всех потребительских расходов населения). Для сравнения, в Мексике, где бездефицитная стадия экономического жизненного цикла почти в 2,5 раза короче, структурный вес потребительских расходов ГУ индивидуального характера в суммарных расходах (на платной и бесплатной/льготной основе) на индивидуальное потребление в 3,5 раза ниже.

Заслуживает внимания еще один момент. С нарастанием структурного веса государственных трансфертов, как правило, снижается норма сбережения домохозяйств. Но в случае со Швецией – это не так. Доля сберегаемого дохода здесь не опускается ниже 12–15%, что вдвое выше сред-

⁷ Расходы на конечное потребление методологически присутствуют в трех секторах СНС: домашние хозяйства, государственное управление и некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства (НКООДХ). У корпораций (нефинансовых и финансовых) они методологически отсутствуют. Такая группировка показывает, кто в экономике финансирует расходы на конечное потребление.

⁸ Эта особенность также проявляется в статистике национальных счетов. Сектор «Домашние хозяйства» дает 33,1% всего ВВП Мексики (для сравнения: в России – около 14% ВВП).

неевропейского уровня. Сильное влияние на норму сберегаемого населением дохода оказывают модели возрастного распределения государственных трансфертов. В ресурсном распределении государственных трансфертов Швеции «крен» в выплатах приходится на старшую возрастную когорту. Самые высокие чистые государственные трансферты старшим возрастам (подушевые) сопоставимы с объемом их потребительских расходов. При этом чистые государственные трансферты детям (0–19) значительно ниже (покрывают порядка 40% их потребления). Поскольку государственная поддержка младшей возрастной группы значительно ниже, потребление младших возрастов финансируется преимущественно средствами родителей (то есть частными трансфертами). Швеция относится к странам с относительно высокой рождаемостью, поэтому домохозяйства здесь накапливают значимый денежный запас для дальнейшего финансирования молодого поколения.

– В России, при расчетной продолжительности профицитной стадии жизненного цикла около 34 лет, доля товаров и услуг индивидуального характера, оплачиваемых государством и предоставляемых населению на бесплатной или льготной

основе, составляет в среднем около 1/3 (30,9%) от общего объема индивидуального потребления, что сопоставимо с показателями Швеции. При этом расходы на образование и здравоохранение (суммарно) составляют 2/3 от всех потребительских расходов ГУ индивидуального характера, в то время как в Швеции их суммарная доля в общем итоге – порядка 55%. В то же время вес государственных трансфертов на образование и медицину в общем объеме индивидуального потребления домохозяйств в России составляет всего 4,9 и 4,7%, соответственно, что вдвое ниже аналогичных показателей для Швеции.

В контексте влияния демографического фактора также следует отметить, что потребительский спрос на услуги образования и здравоохранения – «чувствительный» к изменению возрастных когорт, имеет в России принципиально разную структуру финансирования (см. таблицу 3). На бесплатной или льготной основе⁹ населению оказывается в среднем 88% всего объема образовательных услуг и менее 60% услуг здравоохранения. Структура потребительского спроса на эти виды услуг меняется в сторону увеличения доли услуг, оказываемых на платной основе.

Таблица 3

Структура потребляемых услуг образования и здравоохранения в России в 2011–2020 годах
(в процентах к итогу)

	Образование – всего	в том числе		Здравоохранение – всего	в том числе	
		на платной основе	на бесплатной/льготной основе		на платной основе	на бесплатной/льготной основе
2011	100	9,7	90,3	100	34,1	65,9
2012	100	11,0	89,0	100	35,1	64,9
2013	100	11,0	89,0	100	36,2	63,8
2014	100	11,8	88,2	100	37,8	62,2
2015	100	12,6	87,4	100	41,0	59,0
2016	100	12,0	88,0	100	44,6	55,4
2017	100	13,6	86,4	100	49,0	51,0
2018	100	13,2	86,8	100	46,6	53,4
2019	100	13,1	86,9	100	44,8	55,2
2020	100	10,8	89,2	100	42,3	57,7
2011–2020 (в среднем за год)	100	11,9	88,1	100	41,2	58,8

Источник: расчеты автора по данным Росстата (статистический сборник «Национальные счета России в 2015–2022 гг.», таблицы «Расходы на конечное потребление сектора «Государственное управление» по функциям и «Расходы домашних хозяйств на конечное потребление по группам товаров и услуг». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nacsch_2015-2022.pdf).

Расчеты основываются на статистике национальных счетов, а не на данных бюджетной статистики, ввиду методологических различий

в оценке показателей. Функциональная классификация расходов бюджетов Российской Федерации в НТС не используется, т. к. в бюджете

⁹ Сектора ГУ и НКООДХ покупают часть производимых обществом услуг и предоставляют их сектору ДХ на бесплатной или льготной основе. Для сектора ДХ – это социальные трансферты в натуральной форме.

нет отраслей в понимании ОКВЭД. В объем бюджетных расходов, помимо выплат, относящихся к общественным трансфертам, также входят расходы другого «качества», методологически не относящиеся к трансфертным счетам. В публикуемой статистике СНС – расчеты бюджета в функциональной классификации «переложены» на методологию классификатора ОКВЭД.

Потребительские расходы населения сквозь призму теории поколений

На потребительские расходы населения можно взглянуть и со стороны теории поколенческих типов¹⁰ Уильяма Штрауса и Нила Хоу (Strauss – Howe Generational Theory). Типология поколений указана в таблице 4.

Таблица 4

Типология поколений в теории У. Штрауса – Н. Хоу

Классификация поколений	Годы рождения, периоды	Возраст поколений на 01.01.2021 г., лет	Численность поколений на 01.01.2021 г., млн человек	Внутренняя структура поколений, в процентах к итогу
«Великое» поколение (G.I. Generation Greatest)	1901–1924	старше 96	0,11	0,07
«Молчаливое» поколение (Silent Generation)	1925–1942	78–95	6,96	4,76
«Бумеры» (Boom Generation)	1943–1960	60–77	26,38	18,05
Поколение «X» (Generation X)	1961–1981	39–59	41,89	28,66
«Миллениалы» (Millennial Generation)	1982–2005	15–38	44,94	30,75
«Домоседы» (Homeland Generation)	2006 – наст. вр.	0–14	25,89	17,71
Итого			146,17	100,00

Источник: расчеты автора по данным Росстата (статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года». М.: Росстат, 2021. Таблица 1.1.1. С. 8–11. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf); классификация поколений – [8, с. 55], [9, с. 42].

Ориентация на структуру поколений полезна при анализе потребительского спроса, так как у них разное потребительское поведение (потребительские предпочтения, приоритеты, привычки) и разное отношение к сбережению (что напрямую влияет на их потребительскую активность).

Сейчас в пенсионном возрасте находятся возрастные когорты родившихся в период со второй половины 50-х годов XX века¹¹, относящихся к поколению «бумеров», и самые старшие возрасты «78+» из «молчаливого» и «великого» поколений. На начало 2021 г. они суммарно составляли почти 1/4 всей численности населения. Многочисленное поколение «бумеров» сейчас находится в пенсионном возрасте и «объективно» предъявляет повышенный спрос на бесплатные и льготные медицинские услуги, то есть обеспечивает повышенный спрос на социальные трансферты государства в части здравоохранения и на увели-

чение расходов бюджета на медицину. На другие направления расходов эти поколения не оказывают сильного влияния.

В трудоспособном возрасте находятся поколение «X» (1961–1981 г. р.) и «миллениалы», родившиеся в период с 1982 по 2005 г. Суммарно они составляют 56% общей численности населения. Тогда уровень рождаемости был на подъеме, так как в возрастах активного деторождения находилось многочисленное поколение «бумеров».

Поколение «X» и частично «миллениалы», родившиеся во второй половине 80-х годов, находятся преимущественно в возрастах, близких к максимумам оплаты на рынке труда (35–45 лет). Они зарабатывают в среднем больше, чем представители других поколений, но потребительское поведение у них отличается. Во многом это связано с преобразованием экономической среды, в которой менялась и сама система потребления (многие товары стали массовыми, одни товары

¹⁰ Проанализировав с позиций истории и демографии длинный ретроспективный отрезок развития, историк У. Штраус и демограф Н. Хоу пришли к выводу о чередовании периодов, когда люди в схожих возрастах обладают схожими жизненными ценностями и моделями поведения (своеобразный четырехступенчатый цикл социальных превращений на протяжении жизни: детство – зрелость – средний возраст – старость). Каждый поколенческий период длится около 20 лет и поведенческие черты повторяются примерно через 4 поколения. Авторы теории образно сравнивают такие ритмы с волнами Кондратьева в экономике и с сезонами года. Эти условные циклы они назвали социальными поколениями [8, с. 96].

¹¹ Во второй половине 50-х годов XX века в СССР имел место значительный рост рождаемости (до 2,6–2,8 млн новорожденных в год), когда в возраст активного деторождения (20–30 лет) вошло поколение женщин 1925–1935 годов рождения. Это самая многочисленная когорта советских женщин.

заменили собой функционал других и т. д.). Представители поколения «Х» более консервативны в своем потреблении. Они прагматичны и отдают приоритет производителям, проверенным временем. «Миллениалы» активней, чем поколение «Х», заботятся о здоровом образе жизни, повышая общий спрос на медицинские услуги. Они больше ценят индивидуальность и практичность, слабее «психологически привязаны» к конкретным производителям или маркам, легче пересматривают свое отношение к повседневной необходимости тех или иных товаров и услуг. Они рациональнее в своих потребительских расходах, чем представители поколения «Х».

Прошедшее десятилетие в целом характеризовалось торможением динамики рождаемости. Это связано с тем, что основной вклад в нее делают двадцатилетние, а на смену многочисленной когорте женщин, родившихся в 80-х годах XX века, пришла более малочисленная когорта женщин, родившихся в 90-е годы прошлого века. Как следствие, рабочая сила стала концентрироваться в более старших возрастах¹². Это стало сдерживающим фактором для динамики оплаты труда наемных работников на душу населения, динамики трудового дохода в целом и отразилось на источниках финансирования потребительских расходов.

С 2021 г. в трудоспособный возраст начало вступать поколение «домоседов» (около 19% общей численности населения). Его часто называют «новым молчаливым» поколением, так как в отличие от предыдущих оно формирует свои потребительские предпочтения в основном под влиянием социальных сетей и интернет-ресурсов, и общение также переносится в соцсети. Их финансовое положение, в силу возраста, зависит от финансовых ресурсов «миллениалов» и поколения «Х» (родители), и частично — от поколения «бумеров» (бабушки и дедушки). Говоря о возрастах «65+», следует отметить прекращение тенденции их роста в общей численности населения в абсолютном и относительном выражении, наблюдавшееся более 10 лет подряд. С 2019 г., во многом от последствий пандемии COVID-19, численность этой возрастной когорты начала снижаться структурно, а с 2020 г. — еще и в номинальном объеме. К началу 2021 г. она

снизилась до 25,1% от общей численности населения (в 2019 г. — до 25,4%) по сравнению с 25,7% на конец 2018 г. Это сказалось на распределении финансовых ресурсов между возрастными группами, повлияв на потребительский спрос.

Различия в численности живущих в настоящее время поколений и объемах располагаемых ими финансовых ресурсов (о чем дает представление НТС) являются факторами, существенно влияющими на объемы и структуру потребительских расходов экономики. Неслучайно теорию поколений Штрауса — Хоу активно изучают маркетологи.

Как отразилась пандемия COVID-19 на источниках финансирования потребительских расходов: взгляд с макроуровня

Ретроспективный структурный анализ потребительских расходов населения, трудового дохода (рассчитанных в методологии трансфертных счетов) и результата экономического жизненного цикла позволяет проследить с макроуровня сдвиги в финансировании потребления домашних хозяйств, наметившиеся под влиянием пандемии COVID-19. Сводные итоги расчетов представлены в таблице 5.

Разрыв в объемах потребления и трудового дохода (дефицит экономического жизненного цикла) вырос в 2019–2020 гг. до 11,5–13,0% ВВП против 8–9% ВВП в доковидный период.

Объем текущих трансфертов государства на чистой, сальдовой основе, как канал финансирования дефицита экономического жизненного цикла, в 2011–2020 гг. остался в границах 0,4–0,1% ВВП. Но номинальный объем текущих трансфертных передач от государства частному сектору (80–90% из них идет домашним хозяйствам) «структурно» вырос с 29–31% ВВП в «доковидные» (2011–2018) годы до почти 34% ВВП в 2020 г. Основным двигателем роста объемов переданных трансфертов стали расходы на медицину.

Рост активности государства в части текущей трансфертной поддержки населения способствовал росту «избыточного потребления», несмотря на замедление с 2018 г. роста потребления плат-

¹² На конец 2010 г. из общей численности населения в возрасте старше трудоспособного находилось 22,2%, в трудоспособном — 61,5, моложе трудоспособного — 16,3%.

Дефицит экономического жизненного цикла: финансирование по типам ресурсов
(в процентах от ВВП)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Дефицит экономического жизненного цикла</i>	7,0	8,2	9,3	7,9	8,3	9,3	9,3	8,9	11,5	13,0
Потребление (НТС)	54,4	56,0	59,1	58,8	60,2	61,7	61,3	57,5	59,5	61,6
Трудовой доход (НТС)	47,4	47,8	49,8	50,9	51,9	52,4	52,0	48,6	48,0	48,6
<i>Финансирование дефицита экономического жизненного цикла</i>	7,0	8,2	9,3	7,9	8,3	9,3	9,3	8,9	11,5	13,0
Текущие трансферты государства частному сектору, чистые (полученные за вычетом переданных)	0,20	0,34	0,33	0,30	0,14	0,08	0,07	0,06	0,12	0,09
полученные	28,88	29,87	31,28	31,74	31,13	32,33	31,84	30,56	30,18	33,87
переданные	28,68	29,53	30,95	31,44	30,99	32,25	31,77	30,50	30,06	33,78
Прочие источники (остатком)	6,8	7,86	8,97	7,60	8,16	9,22	9,23	8,84	11,38	12,91
Справочно:										
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году ¹	0,5	4,6	4,0	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,7	1,2	-2,0

Источник: расчеты автора по итогам построения агрегированных НТС на базе данных СНС (на 01.09.2023 г.).

¹ По данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#>.

ных товаров и услуг. Это свидетельствует о следующем. С одной стороны, налицо рост экономической зависимости населения от государства. С другой стороны, номинальный и структурный рост дефицита на фоне растущих трансфертных передач говорит об активной «монетизации» населением растущих социальных выплат, что является логичным поведенческим ответом населения на растущие инфляционные ожидания.

Региональный аспект макроанализа

Аналитические возможности НТС также можно использовать в сравнительном региональном макроанализе потребительского спроса.

Информационной базой для расчетов служат:

- статистические сборники и информационно-аналитические материалы Росстата:
  - «Национальные счета России» (Раздел 4 «Региональные показатели системы национальных счетов»);
  - «Регионы России. Социально-экономические показатели»;
  - «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту»;
- сайты территориальных органов Федеральной службы государственной статистики (в части данных о валовом региональном продукте).

Специфика региональной статистики национальных счетов состоит в том, что круг ее показателей объективно существенно уже, чем на национальном уровне. Так, для регионов не публикуется классификация индивидуаль-

ного потребления домашних хозяйств по целям (КИПЦ). Расходы на конечное потребление домашних хозяйств, как элемент фактического конечного потребления, публикуются в региональном разрезе без разбивки по видам расходов на товары и услуги.

Показать макровлияние демографического фактора на региональные показатели можно, сравнивая регионы с качественно разной демографической картиной. По данным Росстата была проанализирована региональная статистика долей населения в старшей и младшей возрастной когорте за 10 лет (с 2011 по 2020 г.). Доли населения в старших возрастах сравнивались со средним показателем по стране, после чего в разрезе регионов была рассчитана накопленная динамика физического объема валовой добавленной стоимости (ВДС) по отраслям «Образование» и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», как наиболее «чувствительным» к изменению возрастной структуры. Ключевые выводы проиллюстрированы ниже, на примере регионов – представителей, чьи возрастные профили находятся на разных «структурных» полюсах по отношению к средней ситуации по стране.

Республика Ингушетия – яркий пример одного из самых «молодых» российских регионов.

На протяжении предыдущего десятилетия средняя доля возрастов «65+» в республике оставалась в границах 9,1–13,6% от общей численности населения, что в 2,5 раза ниже, чем по стране в целом¹³. На «младшую» возрастную категорию

¹³ По экономике в целом средняя доля возрастов «65+» находится в границах 22,7–25,3% от общей численности населения, возрастная когорта «до 15 лет» – в границах 16,5–18,7% от общей численности населения.

(0–15 лет) приходилась 1/3 общей численности населения региона (31,3–27,6%), что, напротив, почти вдвое выше среднероссийского уровня.

Образовательные услуги приоритетны для младшей возрастной группы, поэтому закономерно, что накопленная динамика физического объема валовой добавленной стоимости по отрасли

«Образование», рассчитанная по данным СНС в расчете на человека, показала в регионе уверенный опережающий рост по сравнению с подушевой динамикой ВДС отрасли «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», приоритетной для старшего поколения. Это показано на рис. 1.

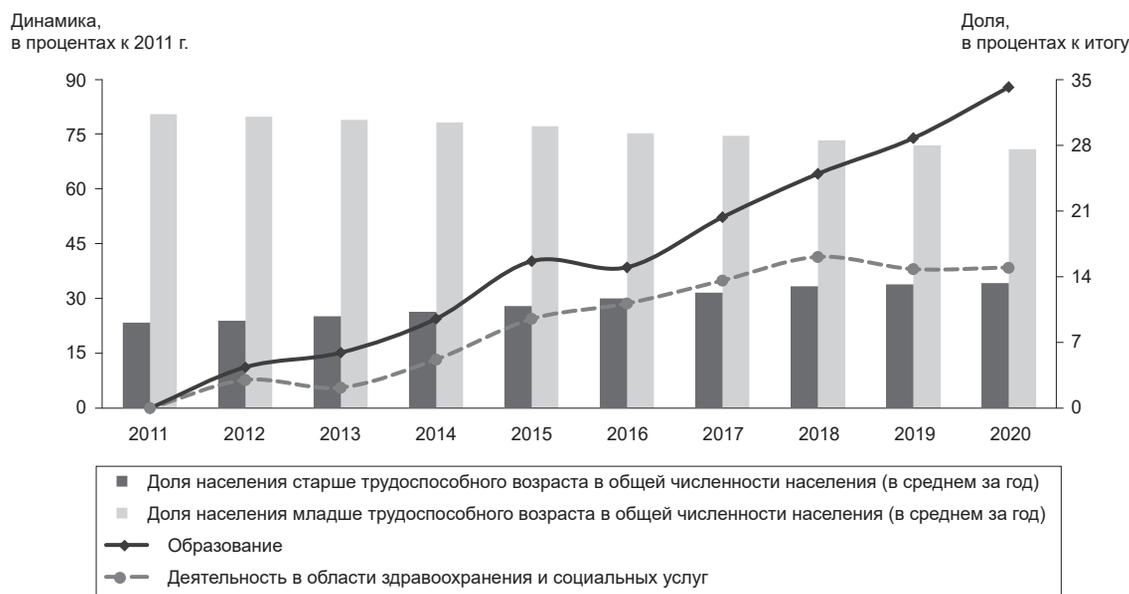

Рис. 1. Динамика валовой добавленной стоимости образовательных и медицинских услуг* и доля населения старше и младше трудоспособного возраста в общей численности населения в Республике Ингушетия в 2011–2020 годах

* В расчете на одного человека, исключая влияние ценового фактора (по данным СНС).

Источник: расчеты автора по данным ЕМИСС (URL: <https://fedstat.ru>) и Северо-Кавказстата (URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/23785>).

На финансирование потребительского спроса региона также интересно посмотреть сквозь призму результата агрегированного счета экономического жизненного цикла (НТС), соотносящего между собой региональные показатели общего объема потребительских расходов домохозяйств и трудового дохода населения. В Республике Ингушетия объем трудового дохода в рассматриваемом периоде покрывал в среднем около 38% общих потребительских расходов домашних хозяйств (при среднем уровне для Российской Федерации – 84,5%¹⁴).

Низкая степень покрытия потребительского спроса собственными трудовыми доходами населения (38%), сложившаяся под влиянием

демографических особенностей, говорит о существовании значительной поддержки региона дополнительными ресурсами со стороны федерального центра. Это подтверждается статистическими данными, ежегодно публикуемыми Минфином России. В рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню дотационности региональных бюджетов Республика Ингушетия стабильно входит в группу субъектов России с долей дотаций из федерального бюджета свыше 40% объема собственных доходов региона¹⁵.

Представителем зеркально противоположной демографической картины является Тверская область, один из самых «возрастных» регионов России. Возрасты «65+» занимают здесь почти 1/3

¹⁴ В течение рассматриваемого десятилетия доля потребительских расходов населения, покрываемая трудовым доходом, последовательно снижалась. Если в 2011 г. она составляла 87,2%, то по итогам 2020 г. снизилась до 80,3% (наиболее заметное снижение произошло на рубеже 2012 – 2013 гг., что во времени коррелирует со структурным сдвигом в возрастной структуре общества).

¹⁵ iMonitoring. Министерство финансов Российской Федерации. Группы субъектов Российской Федерации по доле межбюджетных трансфертов. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/rejtingi/gruppa-sub-ektov-po-dole-dotatsij?territory=45000000>.

(26,9–29,1%) общей численности населения области, а доля младших возрастов колеблется в границах 14,7–16,9%. Хотя накопленная региональная динамика ВДС сложилась здесь отрицательной для обоих видов экономической деятельности, по отрасли «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» она

снизилась в существенно меньшей степени, чем в отрасли «Образование», что показано на рис. 2. В числе прочих факторов на это повлияла высокая доля старших возрастов в структуре возрастного профиля, так как они являются главными потребителями медицинских услуг.

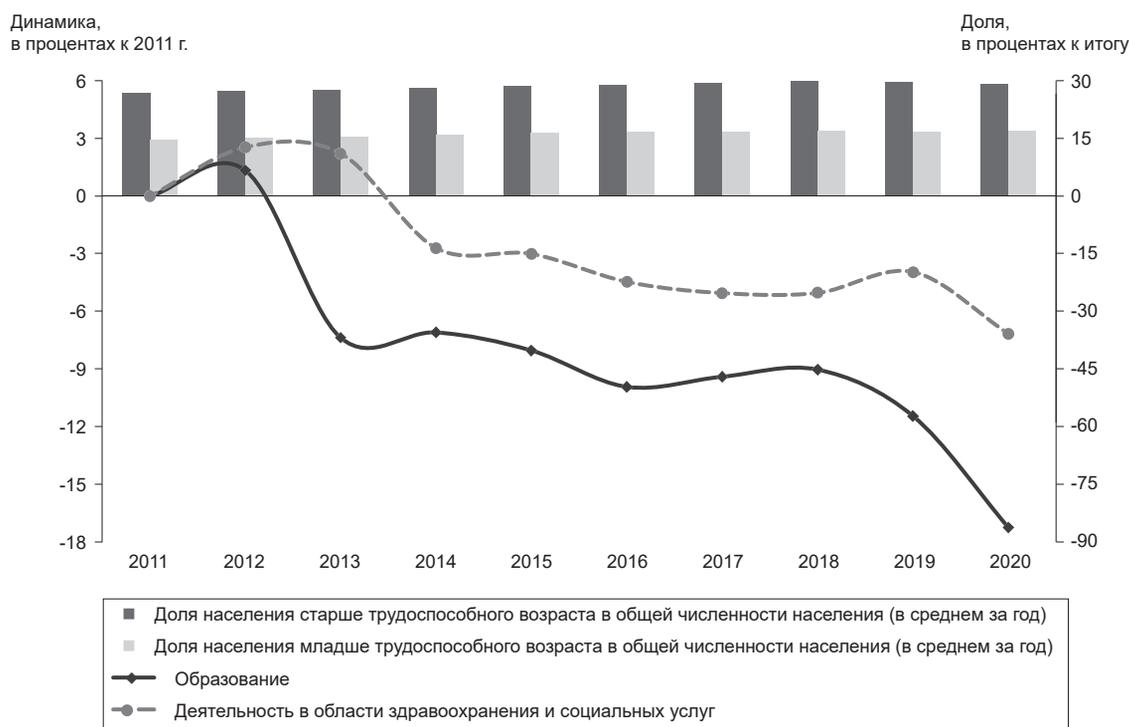

Рис. 2. Динамика валовой добавленной стоимости образовательных и медицинских услуг* и доля населения старше и младше трудоспособного возраста в общей численности населения в Тверской области в 2011–2020 годах

* В расчете на человека, исключая влияние ценового фактора (по данным СНС).

Источник: расчеты автора по данным ЕМИСС (URL: <https://fedstat.ru>) и Тверьстата (URL: <https://69.rosstat.gov.ru/>).

Если по аналогии посмотреть на финансирование потребительского спроса региона через результат счета экономического жизненного цикла, то здесь ситуация также качественно иная. Трудовым доходом в Тверской области население покрывает около 62% общих потребительских расходов (при среднем показателе по стране – 84,5%). При более значимом весе собственных ресурсов домохозяйств, как источника финансирования их расходов, вполне логично, что уровень дотационности регионального бюджета Тверской области ниже. В ежегодном рейтинге Минфина России область входит в группу субъектов Российской Федерации с долей дотаций из федерального бюджета, не превышающей 10% от объемов собственных доходов региона.

Подведем итоги. Сравнительный анализ регионов – представителей подтвердил, что особенности возрастной структуры региона влияют на приоритетность определенного типа потребительских расходов, имеющих сильный возрастной уклон. Возрастной профиль региона «тянул» за собой дальнейший спрос на определенный тип услуг (и связанные с ними товары). В «молодом» регионе сравнительный приоритет в динамике имели услуги образования, в «возрастном» – услуги здравоохранения. Кроме того, структура общества, среди других факторов, оказывает влияние и на размер межбюджетных трансфертов (уровень дотационности субъектов Российской Федерации).

Векторы влияния демографического фактора: международный опыт. Корреляция с результатами исследований по России

Проведенный Р. Ли и Э. Мэйсоном («отцами-основателями» методологии трансфертных счетов) анализ влияния возрастной структуры населения на трудовой доход и потребление показал, что «в большинстве развитых, а теперь и развивающихся стран, с увеличением продолжительности жизни влияние возраста на потребление больше, чем на трудовой доход» [10, с. 16]. Это влияние проявляется по нескольким направлениям:

1) Если экономика показывает устойчивый расчетный дефицит экономического жизненного цикла¹⁶ — это значит, что рост суммарного профицитного результата трудоспособных возрастов не компенсирует (за тот же период) рост суммарного дефицитного результата возрастов нетрудоспособного возраста.

2) Тренд на увеличение предложения рабочей силы за счет старших возрастов служит сдерживающим фактором для динамики оплаты труда наемных работников, трудового дохода и потребительских расходов населения. По результатам российских исследований этот фактор тормозил динамику физического объема душевого трудового дохода в период 2011—2020 гг. на 0,6—0,9 процентного пункта.

Международные исследования выявили, что в формировании объема трудового дохода (на фоне замедления роста оплаты наемного труда)¹⁷ возможно проявление двойного замещающего эффекта. Может замедляться (или начать снижаться) общий доход на душу населения или вырасти смешанный доход. Сравнительный межстрановой анализ НТС позволил сделать вывод о том, что в развивающихся экономиках смешанный доход (от samozанятости) активнее рос в странах с более высоким структурным весом аграрного сектора в ВВП и весомой частью сферы услуг, которая не требует высокой квалификации работников. В России объем валового смешанного дохода показал рост, хотя и незначитель-

ный. Если в начале 2010-х годов он оценивался в 5,1—5,2% ВВП, то к 2020—2021 гг., по мере роста числа зарегистрированных samozанятых граждан, его объем превысил 7% ВВП.

3) Увеличение доли старших возрастов в демографической структуре общества «тянет» за собой дальнейший рост потребности в увеличении трансфертной поддержки государства по определенным направлениям. Как пример, социальные трансферты в натуральной форме (за счет расходов на медицину, субсидируемых сектором «Государственное управление») по мере старения общества значительно повышают свой вес в компонентах фактического конечного потребления сектора «Домашние хозяйства» (СНС) и в структуре общих расходов на здравоохранение. Так, в России вес трансфертов здравоохранения структурно вырос к 2021 г. до 39% от общего объема всех трансфертов в натуральном выражении по сравнению с 33% в 2011 г.

4) В отличие от потребительских расходов, распределенных в течение всей жизни достаточно равномерно, возрастные максимумы трудового дохода сконцентрированы в относительно небольшом количестве средних возрастов (в районе 35—45 лет). С увеличением численности населения в старших возрастах растущий душевой уровень потребления (за счет роста услуг здравоохранения и частично образования) начинает все сильнее превышать душевой трудовой доход. Смещение демографической структуры в старшие возрасты, начавшее формироваться как тренд с начала 2000-х годов, ведет к постепенному нарастанию вызова в вопросе финансового обеспечения достаточности государственных трансфертов. Для России этот вывод также справедлив, что показано на рис. 3.

5) Для поддержания ресурсного баланса между возрастными группами (в ответ на снижение соотношения демографической поддержки) разные государства активно используют всевозможные перераспределительные механизмы. Это могут быть меры по расширению налоговой базы или по повышению налоговых ставок. Так, в скан-

¹⁶ В России по мере эволюции возрастного профиля на протяжении 10 лет расчетный дефицит экономического жизненного цикла экономики устойчиво оценивается в границах 8 — 13% ВВП.

¹⁷ Методологически трудовой доход (НТС) формируется из величины оплаты наемного труда (СНС) и экспертной оценки дохода от samozанятости. Он включает заработную плату, смешанный доход (2/3 от итога), а также все виды налогов, связанных с трудом. Общий объем потребления состоит из личного потребления, а также потребления товаров и услуг, предоставляемых государственным сектором (таких как государственное здравоохранение, образование, общие общественные блага), за вычетом налогов, взимаемых с потребления.

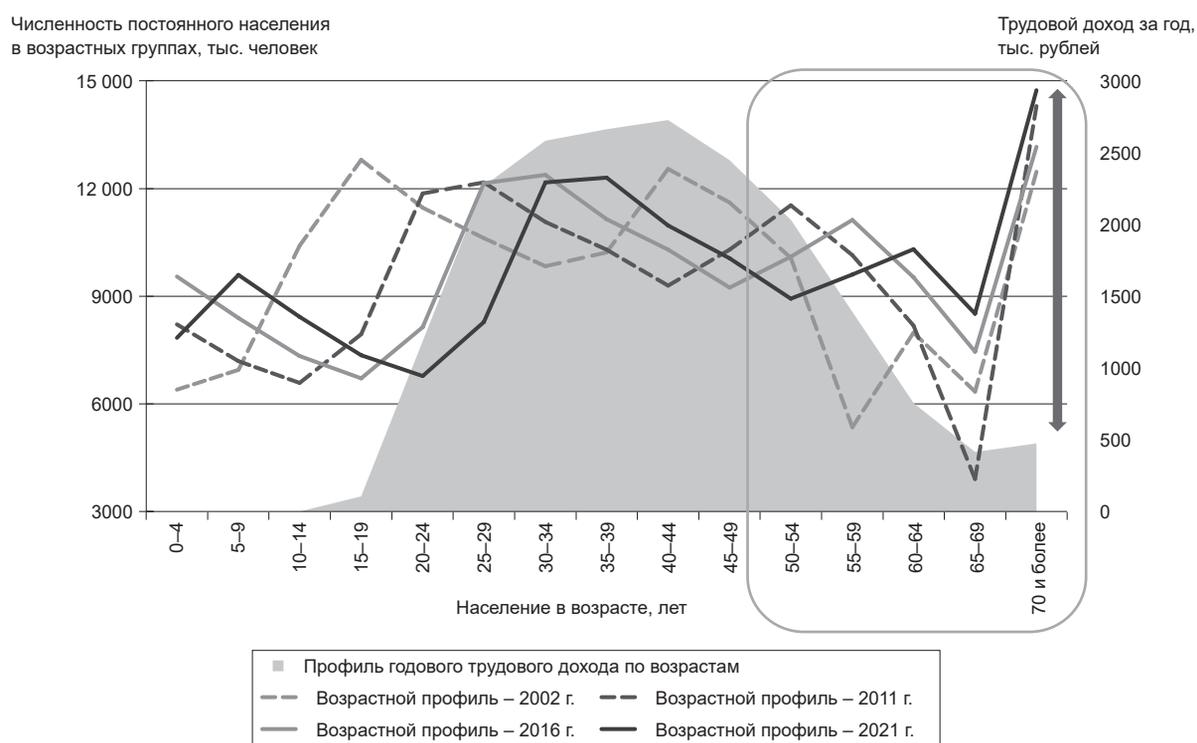

Рис. 3. Распределение трудового дохода по возрастам и изменение возрастного профиля в России в 2002–2021 годах

Источник: расчеты автора по данным Росстата (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556>) и Института демографии имени А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ (распределение трудового дохода населения по возрастам в 2013 г.).

динавских странах государства отдают приоритет пересмотру границ трудоспособного возраста, повышению ставок налога на потребление и взносов на соцобеспечение для предприятий, сохраняя при этом размеры социальных пособий. В большинстве стран Центральной и Восточной Европы государства, напротив, делают упор на сокращение объемов выплаты пособий, стараясь не сдвигать границы пенсионного возраста [11, с. 4].

б) Данные национальных трансфертных счетов отражают развитие спроса на те или иные категории товаров и услуг (с возрастным уклоном), а значит могут использоваться предприятиями в целях анализа спроса на продукцию своей отрасли и соответственно для оценки объемов ее предложения на рынке. Это особенно важно для предприятий регионального уровня, где спрос имеет более узкие количественные границы.

Заключение

Ретроспективное построение счета результата экономического жизненного цикла и его элементов для регионов позволило взглянуть на потребительский спрос и ресурсные потоки экономики

под дополнительными углами зрения — через такие экономико-демографические характеристики, как:

- *длительность бездефицитного периода жизненного цикла* (его сравнительно длинная профицитная стадия в России «ресурсно» поддерживает значимый уровень трансфертной поддержки потребления со стороны государства — трансфертами сектора «Государственное управление» покрывается почти 1/3 всех потребительских расходов домохозяйств);

- *структура поколенческих типов* (многочисленные «бумеры», находясь в пенсионных возрастах, определяют растущий спрос на государственные трансферты (повышая конкуренцию за них), а поколение «X», «миллениалы» и «домоседы», находясь в трудоспособном возрасте или вступая в него, определяют уровень потребительской активности за счет собственных средств);

- *структура регионального возрастного профиля* (определяет приоритетность направлений потребительских расходов, имеющих сильный возрастной уклон: в «молодых» относительно среднего распределения возрастов в экономике регионов — сравнительный приоритет в динамике имеют услуги образования, в «возрастных» — услуги здравоохранения).

Ретроспективный структурный анализ финансирования потребления домохозяйств выявил макросдвиги в ресурсных потоках экономики, наметившиеся под влиянием пандемии COVID-19. Структурный вес текущих гострансфертов (в процентах к ВВП), переданных частному сектору, вырос на 4–5 п. п. по сравнению с «доковидным» периодом. Изменения в уровне трансфертной поддержки также говорят о сдвигах в качестве жизни населения. Неслу-

чайно методологические идеи НТС о выделении в составе потребительского спроса расходов на образование и здравоохранение и о расчете показателя трудового дохода перекликаются с критериями индексов человеческого развития (Human Development Index – HDI¹⁸) и глобальными целями, обозначенными ООН в области устойчивого развития (Sustainable Development Goals – SDG), что схематично отражено в таблице 6.

Таблица 6

Национальные трансфертные счета, индексы человеческого развития и цели в области устойчивого развития: общие черты

Национальные трансфертные счета (НТС) ¹	Критерии индексов человеческого развития (HDI) ²	Цели в области устойчивого развития (ЦУР) ³
Расходы на здравоохранение (на душу населения)	Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
Расходы на образование (на душу населения)	Обеспечение равного доступа к качественному образованию	Цель 4. Обеспечение всеохватного качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
Трудовой доход, социальные расходы (на душу населения)	Доход на душу населения	Цель 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех Цель 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними

Источник: ¹ Руководство по национальным трансфертным счетам: измерение и анализ показателей экономики поколений. Организация Объединенных Наций. Отдел народонаселения. Нью Йорк. 2022. С. 1–266. In Russ. (URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2022_nta-manual_russian.pdf);

² Human Development Reports (URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>.) и Росстат (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2013-2020.pdf);

³ ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 21.10.2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», с. 17. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>).

Результаты, полученные по итогам экспериментальных расчетов НТС для России, перекликаются с выводами исследований, сделанных на основе сравнительного анализа результатов построения трансфертных счетов в европейских странах. По первым экспертным оценкам, население младшей возрастной группы остается в России экономически зависимым в среднем на 7 лет дольше (до 23 лет) по сравнению с официальным моментом вступления в трудоспособный возраст (16 лет). В странах ЕС население младшей возрастной группы остается экономически зависимым в среднем на 5 лет дольше по сравнению с демографической границей вступления в трудоспособный возраст [7, с. 435]. С точки зрения практического применения этих результатов – учет длительности профицитной стадии экономического жизненного цикла (возраста вхо-

да и выхода из нее) целесообразно принимать во внимание при принятии решений о распределении объемов трансфертной поддержки по возрастам, что будет способствовать повышению гибкости в распределении выплат социального характера на уровне страны/региона.

Комплексный анализ разных форм национальных счетов (НТС и НТС) нацелен на углубление изучения экономических взаимосвязей и эффектов и способствует расширению аналитических возможностей совместного использования макроэкономической и демографической статистики. Роберт Галь, крупный европейский специалист в области НТС, очень образно и предельно точно охарактеризовал трансфертные счета, как «хороший инструмент подсветки качественных аспектов экономических взаимосвязей, которые не попадают в зону, освещаемую национальными счетами»¹⁹.

¹⁸ HDI с 1990 г. ежегодно рассчитываются ПРООН. URL: https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index?_gl=1*1f63wvh*_ga*MTQ0NzZmODM4M4xNjk5NTI2Njkz*_ga_3W7LPK0WP1*MTY5OTUyNjY5My4xLjEuMTY5OTUyNjg0My43LjAuMA.

¹⁹ Цикл лекций проф. Р. Галя (Венгрия) и ведущих отечественных специалистов по национальным трансфертным (межпоколенческим) счетам. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0795/nauka02.php>.

Литература

1. Lee R. et al. Six Ways Population Change Will Affect the Global Economy // *Population and Development Review*. 2022. Vol. 48. No. 1. P. 51–73. doi: <https://doi.org/10.1111/padr.12469>.
2. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35. doi: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>.
3. Назарова А.Г., Чернявский А.В. Агрегированные трансфертные счета для Российской Федерации: основы построения и анализа // *Вопросы статистики*. 2019. Т. 26. № 4. С. 32–44. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-4-32-44>.
4. Solé M. et al. Protecting the elderly and children in times of crisis: An analysis based on National Transfer Accounts // *Journal of the Economics of Ageing*. 2020. Vol. 15. P. 1–27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2019.100208>.
5. Lee S.-H., Ogawa N. Labor Income over the lifecycle // Chapter 5 in Lee R. and Mason A. *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. Edward Elgar Publishing Limited. 2011. P. 109–135. doi: <https://doi.org/10.4337/9780857930583>.
6. Narayana M. Lifecycle Deficit and Public Age Reallocations for India's Elderly Population: Evidence and Implications Based on National Transfer Accounts // *Journal of Population Ageing*. Vol. 4. 2011. P. 207–230. URL: <https://ink.springer.com/article/10.1007/s12062-011-9044-6>.
7. D'Albis H., Moosa D. Generational Economic and the National Transfer Accounts // *Journal of Demographic Economics*. 2015. Vol. 81. No. 4. P. 409–441. URL: <https://www.jstor.org/stable/26419944>.
8. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning*. New York: Published by Broadway Books. 1997. P. 318. URL: [https://avalonlibrary.net/ebooks/William Strauss, Neil Howe – The Fourth Turning – An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny.pdf](https://avalonlibrary.net/ebooks/William%20Strauss,%20Neil%20Howe%20-%20The%20Fourth%20Turning%20-%20An%20American%20Prophecy%20-%20What%20the%20Cycles%20of%20History%20Tell%20Us%20About%20America's%20Next%20Rendezvous%20with%20Destiny.pdf).
9. Howe N., Strauss W. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // *Harvard Business Review*. 2007. Vol. 85. No. 7–8. P. 41–52. URL: <https://hbr.org/2007/07/the-next-20-years-how-customer-and-workforce-attitudes-will-evolve>.
10. Mason A., Lee R. Labor and consumption across the lifecycle // *Journal of the Economics of Ageing*. 2013. Vol. 1–2. P. 16–27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2013.06.002>.
11. Lee R., Mason A. Analyzing population ageing and intergenerational redistribution: NTA and AGENTA // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2019. Vol. 17. P. 1–5. Published by Austrian Academy of Sciences Press. URL: <https://www.jstor.org/stable/26928901>.

Информация об авторе

Назарова Анжела Георгиевна – канд. экон. наук, главный эксперт Института «Центр развития», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 109074, г. Москва, Славянская площадь, д. 4, стр. 2. E-mail: anazarova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-9724>.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г.

References

1. Lee R. et al. Six Ways Population Change Will Affect the Global Economy. *Population and Development Review*. 2022;48(1):51–73. Available from: <https://doi.org/10.1111/padr.12469>.
2. Denisenko M.B., Kozlov V.A. Generational Accounts and Demographic Dividend in Russia. *Demographic Review*. 2018;5(4):6–35. Available from: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>.
3. Nazarova A.G., Chernyavsky A.V. Aggregate Transfer Accounts for the Russian Federation: Framework for Construction and Analysis. *Voprosy Statistiki*. 2019;26(4):32–44. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-4-32-44>.
4. Solé M. et al. Protecting the Elderly and Children in Times of Crisis: An Analysis Based on National Transfer Accounts. *Journal of the Economics of Ageing*. 2020;15:1–27. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2019.100208>.
5. Lee S.-H., Ogawa N. Labor Income over the lifecycle. In: Lee R., Mason A. (eds.) *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. Edward Elgar Publishing Limited; 2011. P. 109–135. Available from: <https://doi.org/10.4337/9780857930583>.
6. Narayana M. Lifecycle Deficit and Public Age Reallocations for India's Elderly Population: Evidence and Implications Based on National Transfer Accounts. *Population Ageing*. 2011;(4):207–230. Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12062-011-9044-6>.
7. D'Albis H., Moosa D. Generational Economic and the National Transfer Accounts. *Journal of Demographic Economics*. 2015;81(4):409–441. Available from: <https://www.jstor.org/stable/26419944>.
8. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning*. New York: Broadway Books; 1997. 318 p. Available from: [https://avalonlibrary.net/ebooks/William Strauss, Neil Howe – The Fourth Turning – An American Prophecy – What](https://avalonlibrary.net/ebooks/William%20Strauss,%20Neil%20Howe%20-%20The%20Fourth%20Turning%20-%20An%20American%20Prophecy%20-%20What%20the%20Cycles%20of%20History%20Tell%20Us%20About%20America's%20Next%20Rendezvous%20with%20Destiny.pdf)

the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny.pdf.

9. **Howe N., Strauss W.** The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*. 2007;85(7–8):41–52. Available from: <https://hbr.org/2007/07/the-next-20-years-how-customer-and-workforce-attitudes-will-evolve>.

10. **Mason A., Lee R.** Labor and consumption across the lifecycle. *Journal of the Economics of Ageing*. 2013;1–2:16–27. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jjeoa.2013.06.002>.

11. **Lee R., Mason A.** Analyzing Population Ageing and Intergenerational Redistribution: NTA and AGENTA. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2019;17:1–5. Available from: <https://www.jstor.org/stable/26928901>.

About the author

Anzhela G. Nazarova – Cand. Sci. (Econ.), Head Expert, HSE Centre of Development Institute, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 4, Slavyanskaya Sq., Bldg. 2, Moscow, 109074, Russia. E-mail: anazarova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-9724>.

Funding

The study was funded by the Centre for Basic Research of the National Research University Higher School of Economics in 2023.